

УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

© 2012 г.

М.В. Шедий

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

m_v_shedij@mail.ru

Поступила в редакцию 14.10.12

Исследуются исторические предпосылки, внутренние и внешние причины появления коррупции в России с учетом социокультурных и национальных традиций.

Ключевые слова: коррупция, социальная обусловленность коррупции, трансформация коррупционных отношений.

История коррупции в России насчитывает не одно столетие. Социальная обусловленность коррупции проявляется, прежде всего, в том, что это явление имеет специфические национальные черты. Считается, что Россия – это страна, социально, исторически и ментально предрасположенная к коррупции. Соответственно, национальная специфика российской коррупции видится в глубочайшей укорененности взяточничества в социальной системе, российской истории и национальном менталитете. Однако без серьезных научных исследований нельзя однозначно утверждать, что коррупция – базовая черта российского социума.

Многочисленные письменные памятники минувших эпох свидетельствуют, что коррупция существует на протяжении многих тысячелетий. Данное явление тесно связано со сферой управления и особенно со сферой государственной власти. Можно сказать, что их развитие шло параллельно, несмотря на стремление власти организовать борьбу с этим социальным явлением. Исследователь коррупции В.Н. Ширяев писал, что коррупция как социальное явление начинается с того момента, «как только появились носители власти, облеченные особыми полномочиями... В большей или меньшей степени это деяние было присуще всем временам и народам, приобретая временами характер "бытового явления"» [1, с. 3]. Можно предположить, что появление коррупции связано с первоначальным делегированием или узурпацией права управлять некоторой социальной общностью, разделением труда в сфере управления, выделением группы людей, обладающих таким правом и возможностями.

История развития коррупции как «легального» типа социальных взаимоотношений в российском обществе относится к IX–X вв., когда на Руси возникает, по примеру Византии, институт «кормления» – древнерусский институт направления главой государства (князем) своих представителей (воевод, наместников) в провинцию без денежного вознаграждения. Предполагалось, что население региона будет «кормить» наместника.

По поводу термина «кормление» следует придерживаться определения, которое обосновал В.О. Ключевский. По его мнению, древние акты использовали этот термин в смысле «кормить», а не «править», как пытались оспаривать его оппоненты. Князь давал в кормление, а правление вытекало из этой дачи [2]. Следовательно, назначение на «кормление» было средством вознаграждения князей, бояр и более мелких феодалов за их преданную службу великому князю.

Кормленная грамота, выдававшаяся наместнику, была лаконичной и, как правило, стереотипной, содержавшей призыв князя к населению: «И вы все люди той волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает и судит и ходит у вас по всему по тому, как было преж сего» [3, с. 157]. Все многочисленные функции воевод в наказах выражались неопределенно и малоконкретно, что давало широкий простор для их произвола, отождествлявших управление с эксплуатацией подведомственного населения.

Пытаясь минимизировать издержки управления, центральная власть с конца XV – начала XVI в. стала вводить ограничения прав «кормленщиков», то есть подробно регламентировать

размеры кормов наместникам и волостелям. В «кормленной грамоте» их обязывали «судить и ходить по старине», не превышая освященного обычая уровня поборов. В дальнейшем регламентация прав должностных лиц была ужесточена в первом общерусском Судебнике 1497 года. Первая глава Судебника звучала следующим образом: «Суд судить боярам и окольныхчим... А посулов (то есть взятки. – М.Щ.) боярам и окольныхчим не брать, и любому судье от суда посулов не брать, а судом не мстить, не дружить никому». Учитывая, что в главном своде государственных законов Руси первая же статья посвящена борьбе с чиновничьими поборами, можно представить масштаб распространения данного явления [4].

В итоге в течение 1555–1556 годов система кормлений была отменена. Характерны мотивы, которыми Иван IV руководствовался, принимая такое решение. В летописном сообщении по этому поводу говорится, что «многие города и волости наместники и волостели опустошили, и много злокозненных дел там учинили... и стали для них гонителями и разорителями...» [4].

Практики кормления отступали очень медленно в течение всего XVIII в., потому что перемены больше касались видимости, чем сущности вещей. Так, воеводы, представляющие центральную власть по всей Руси в XVII в., обращаясь к царю с просьбой дать просителю должность, формулировали свое прошение в виде просьбы: «Прошу отпустить покормиться» [5, с. 111]. Будучи на должности, воевода получал, как и его древние предшественники, «въезжее» и «кормы на три праздника». «Повседневные кормы» натуральными продуктами и «деньги за харчи», зажиточный быт (дом, обстановка, утварь, прислуга, транспорт), подарки от земских представителей и местных богачей – все это были статьи доходов воеводы. «Источники указывают также на обязательность для населения обременительной и дорогостоящей повинности непрерывного снабжения воевод пивом и вином» [6, с. 305–306].

Однако воеводы не довольствовались получением только таких легальных приношений. Время от времени приглашая к себе местных представителей власти, они напоминали, кто является «настоящим» хозяином. В этом случае приглашенные преподносили подарки, которые могли быть просто деньгами [7, с. 86–93].

К XV веку коррупция в России приобрела характер системы. Кормление трансформировалось в лихоимство (подкуп за действия, нарушающие действующее законодательство) и мздоимство (за действия без нарушения закона).

С XVI века в России появилась и новая форма коррупционного поведения – вымогательство – получение не предусмотренного законом вознаграждения путем волокиты при рассмотрении жалоб и заявлений судебными чиновниками.

Историко-социологический анализ позволяет выявить тенденции и особенности социальных механизмов борьбы с коррупцией в конкретно-исторических условиях.

Так, в древнерусском законодательстве первые упоминания о коррупции можно найти в Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг. (ст. 6), в которой наместнику запрещается отпускать пойманного вора за взятку, а также в Псковской судной грамоте 1397 года (ст. 4), которая осуждала принятие «тайных посулов» [8, т. 1. с. 332], но ответственность за такие действия не устанавливала. Запреты «сулить и имать посулы» содержались и в ст. 33, 67 Судебника 1497 года [8, т. 2. с. 54–62], но о санкциях за нарушения этих запретов также не говорится [9]. Позднее, в ст. 3 Судебника 1550 года и ст. ст. 5–9 Соборного Уложения 1649 года [8, т. 3. с. 181], была предусмотрена ответственность за получение взяток: штраф, тюремное заключение, но в зависимости от занимаемой должности. Так, наказание судьи за вынесение решения по делу под воздействием полученного вознаграждения предусматривалось в виде возмещения истцу суммы иска и всех судебных пошлин в трехкратном размере. Дальнейшую судьбу судьи определял глава государства, избирая ему меру наказания по своему усмотрению. Дьяк, совершивший подлог в протоколе судебного заседания либо неправильно записавший показания сторон или свидетелей за вознаграждение, уплачивал истцу половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, рассматривавший дело в суде, который должен был следить за своим подчиненным во время судебного процесса и правильностью записи показаний. Кроме материальной ответственности дьяк подлежал тюремному заключению. Срок содержания виновного в местах лишения свободы в данном законодательном акте указан не был, поэтому в каждом конкретном случае его определял глава государства. Иного наказания заслуживал другой участник судебного разбирательства – подьячий, «который запишет не по суду для посула без дьячего приказы, и того подьячего казнити торговой казнью, бити кнутем» [10, с. 165]. Иван Грозный впервые ввел смертную казнь в качестве наказания за чрезмерность во взятках.

Но все эти меры оказывались неэффективными, так как утверждение новой династии по-

сле 1613 года сопровождалось переходом в местном управлении от выборной администрации на назначаемую царем. В чем-то такой подход был оправдан, поскольку внешнеполитическое положение страны длительное время оставалось сложным, значительную роль в сфере государственного управления играли вопросы обороны. В то же время усиление центральной власти на местах зачастую связывалось с корыстными интересами правящей верхушки [11, с. 5–9]. Создавался своего рода порочный круг: внутренняя ситуация в стране после Смутного времени требовала концентрации средств и ресурсов центральной властью и вызывала рост произвола администрации, затрудняя тем самым преодоление последствий кризиса.

В XVII веке масштаб коррупции среди государственных служащих продолжал распространяться, несмотря на многочисленные запрещения. Так, по словам А. Олеария, «хотя брать взятки всем строго запрещается под опасением наказания за то кнутом, но их тайно берут, особенно писцы, которые вообще охотно принимают посулы или подарки...» [12, с. 295].

Таким образом, власти в разное время применяли различные наказания для виновных: от легкого штрафа или снятия с должностей до вечной ссылки с вырыванием ноздрей и лишением «всего имения» или смертной казни путем повешения или даже четвертования.

Административный аппарат XVIII в., в корне отличавшийся от средневекового приказного строя XVII в., тем не менее сохранил практику подношений от челобитчиков. В целях противодействия подкупу и продажности служилых людей Петр I впервые среди российских монархов повысил им жалованье, что было сделано им сначала в 1708 г. при проведении губернской реформы, а затем в 1714 г. по указу «О воспрещении взяток и посулов». При Петре I жалованье было назначено всем категориям служащих, включая подьячих, его величина фиксировалась законом и уже не зависела от воли начальника. По сравнению с концом XVII века оклады заметно выросли.

Однако, несмотря на позитивные изменения в системе оплаты труда гражданских служащих, в первой четверти XVIII века материальное положение большинства из них ухудшилось. Объяснялось это, прежде всего, падением курса рубля, подешевевшего за годы правления Петра I почти в два раза. Другая причина ухудшения положения чиновников заключалась в систематической невыплате жалованья.

Следовательно, у государства было недостаточно средств, чтобы выплачивать достойное

жалованье чиновникам, и им вновь было позволено кормиться за счет населения. Эта особенность составляла одну из отличительных черт формирования аппарата управления российского самодержавия. Рост аппарата управления обусловливался государственными потребностями, но само государство было не в состоянии его содержать. Результатом этого противоречивого процесса было появление в России чиновничества, которое в значительной мере содержалось самим обществом. По-видимому, свою роль могло сыграть уже отмечавшееся выше обстоятельство, что жалованье было не просто ниже, а значительно ниже теневых поступлений и простое его повышение не могло разрушить сложившихся десятилетиями психологических ориентаций.

Существенные изменения претерпело уголовное законодательство России об ответственности за проявления коррупции и взяточничества. Указом от 23 августа 1713 г. Петр I ввел наряду с получением взятки уголовную ответственность за дачу взятки. Указ гласил: «Для предотвращения впред подобных явлений велю как взявших деньги, так и давших положить на плаху, и от плахи подняв, бить кнутом без пощады и сослать на каторги в Азов с женами и детьми и объявить во все города, села и волости: кто сделает это впред том быть в смертной казни без пощады» [13].

По-видимому, эффективность мер, предусмотренных данным нормативным актом, была недостаточной и вряд ли способствовала изобличению взяточполучателей, так как уровень коррупции среди должностных лиц был по-прежнему велик. В связи с этим 24 декабря 1714 г. Петр I издал новый указ «О воспрещении взяток и посулов», ужесточивший наказание за совершение корыстных злоупотреблений по службе должностными лицами органов государственной власти и управления. Указ предусматривал уголовную ответственность за пособничество в совершении корыстного злоупотребления по службе и за недонесение о совершении этих преступлений.

Следует отметить, что Петр I пытался привлечь к борьбе с коррупцией в государственном аппарате все население страны. Государь разрешал всем людям, независимо от чина, доносить лично ему о лихоимстве, а за справедливый донос определялась награда: «...богатство того преступника, движимое и недвижимое, отдано будет...» [7, т. 16. с. 137], а если доносчик будет достоин, то ему будет присвоен и чин выявленного преступника.

В целях предупреждения взяточничества и других корыстных злоупотреблений по службе

Петр I ввел новый порядок прохождения государственной службы для воевод: они не могли находиться на такой должности более двух лет. После истечения срока воевода мог остаться на этой должности, если имелась письменная просьба жителей города о том, чтобы это должностное лицо продолжало исполнять свои обязанности [7, т. 7. с. 586–588].

Таким образом, как свидетельствуют исторические документы, Петр I старался всеми возможными методами и средствами навести порядок в делах государственной службы России, воздействуя на мздоимцев, лихоимцев и вымогателей. Однако усиление уголовно-правовых санкций за взяточничество и введение норм ответственности за попустительство и недонесение о взяточничестве, как и изменение порядка прохождения отдельных видов государственной службы, введение института фискалов при Государственном совете не принесли существенных результатов в борьбе с коррупцией.

Одной из причин неэффективности проводимой Петром I антикоррупционной политики была ее непоследовательность и противоречивость. Так, несмотря на то что Петр I, упорно насаждавший «коммерческую честность», нещадно бивший батогами взяточников и проворовавшихся поставщиков, сам практиковал разбазаривание государственного имущества через институт фаворитизма, неотделимый от коррупции [14]. Действительно, злоупотребления канцелярских чиновников, часто не имевших других средств к существованию, были ничтожными по сравнению с теми, какие допускали ближайшие соратники царя-реформатора. Все русское общество развращалось мыслью – политической властью можно пользоваться для незаконного обогащения, а политическое угодничество – верный путь к богатству. Так, по данным А. Васильчикова, в течение XVIII века высочайшими пожалованиями розданы в награду частным лицам, угодным двору, 1 304 000 душ [15].

Сложилась практика бездумной раздачи бесчисленных богатств из казны фаворитам и немедленное отбирание их, если вчерашние любимцы впадали в немилость. Ощущение временщика воспитывало установку «хапать сейчас и максимально», «вошел во власть – можешь к казенному сундуку припасть» [4]. Этим путем у элиты общества «воспитывалась привычка достигать богатства не благодаря энергии, находчивости и труда, а извилистою тропию лестии, прислужничества и политического молчалинства... И русское правительство в по-

литических целях всячески поощряло развитие подобной психологии» [16, с. 49]. Вот почему история русских частных больших состояний, как показало исследование Е. Карновича [17], чрезвычайно отличается от истории таких же богатств в государствах Западной Европы, не говоря уж об Америке.

Возможность получить огромные состояния путем «слезных прошений», «припадания к стопам» и верноподданнического угодничества заставляла «выпячивать свою политическую благонадежность, проявлять свое подхалимство возможно более аляповато, крикливо, назойливо» [16, с. 49]. П. Берлин отмечает, что, будучи же отмеченными вниманием власти, они считали, что пришел их час, когда они как частица той же власти могут не стесняться обогащать себя за счет казны. «Губернаторы радуют токмо о своих карманах: киевский губернатор высылает в свой московский дом деньги не мешками, но уже возами... – писал Петру I неизвестный русский доноситель из Голландии. – Иностранцы купцы высылают серебро и золото из России, что запрещено в чужих землях. Вельможи кладут деньги в чужестранные банки, Меншиков, Куракин, князь Львов» [7, т. 15. с. 575]. Действительно, только у А.Д. Меншикова, после его ссылки в Сибирь в 1727 году, обнаружилось девять миллионов рублей в банковских билетах Лондонского и Амстердамского банков, не считая четырех миллионов рублей наличных денег, драгоценностей на сумму свыше миллиона рублей и 105 фунтов золота в слитках и сосудах.

Характеризуя период правления Петра I, В.О. Ключевский указывал: «При Петре казнокрадство и взяточничество достигли таких размеров небывалых прежде – разве только после» [18, с. 180].

Таким образом, можно сделать вывод, что проводившаяся Петром I стратегия борьбы с коррупцией в государственном аппарате была обусловлена временем и ситуацией, в которых она реализовывалась. Меры уголовно-правового предупреждения, направленные на совершенствование законодательства и ужесточение санкций за совершение взяточничества, не принесли должного эффекта по противодействию коррупции и не разрешили в целом проблемы.

После смерти Петра I за совершение актов коррупции в формах мздоимства, лихоимства, вымогательства и хищения государственной казны лица, виновные в их совершении, наказывались значительно мягче. Об этом свидетельствуют следующие исторические факты: в 1731 г. во время царствования Анны Иоанновны был арестован казанский губернатор Волын-

ский за получение взятки в сумме 2500 руб. С учетом признания вины в содеянном он был лишь освобожден от занимаемой должности. Иного наказания заслужили князя Иван и Алексей Долгорукие за совершение хищения «государевого» имущества, осужденные 14 апреля 1730 г. к лишению всех чинов и ссылке в сельскую местность.

В период правления Екатерины II стало вновь уделяться особое внимание борьбе с корыстными злоупотреблениями по службе, в том числе и со взяточничеством. По данным С.М. Соловьева, императрица «требовала особой и согласованной деятельности Сената в искоренении злоупотреблений в области управления, в искоренении взяточничества» [7, т. 25. с. 189].

Однако наказание за взяточничество в екатерининский период правления было не столь сурово, как при Петре I, хотя распространенность коррупции в органах власти и управления в это время была также достаточно высока. Императрица в большей степени уделяла внимание не ужесточению санкций за совершение корыстных злоупотреблений по службе, а обеспечению принципа неотвратимости наказания за их совершения [19, с. 21].

Александр I с «сердечным соболезнованием» отмечал, что взятки в Российском государстве не только существуют, но даже распространяются между теми, кто «гнушаться ими и всемерно пресекать их должны» [20]. Считая, что различного рода подношения оказывают разлагающее влияние на персонал административных учреждений, правительство Александра I приняло специальный Указ «О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам». Это запрещение мотивировалось необходимостью «предупредить всякого способа к послаблениям и упущениям по службе». Тем не менее взяточничество в России являлось постоянным спутником государственной службы и в первой половине XIX века достигло широкого распространения.

Реформы государственного управления, проведенные Александром I в период с 1801 по 1811 годы, в результате которых появились министерства, сосредоточившие в своих департаментах все нити управления Россией, способствовали усилению бюрократических начал, что создавало благоприятную почву для казнокрадства и взяточничества. Происходившее в те годы одним единственным словом – «крадут» – характеризовал Н.М. Карамзин [21, с. 18].

В царствование Николая I правительство подтвердило свое негативное отношение к фактам преподнесения подарков чиновникам от

частных лиц и различного рода обществ. По воле императора Сенат в 1832 г. издал Указ «О воспрещении начальствующим лицам принимать приношения от общества», считая, что подарки или какие-либо подношения чиновникам не должны иметь место в системе государственного управления.

Тем не менее этот важнейший источник материального благополучия бюрократии сохранял свое значение и в XIX веке. Декабрист А.А. Бестужев в письме к Николаю I дал такую характеристику ситуации, сложившейся в стране к началу 1820-х годов: «Все элементы были в брожении. (...) Одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованной землей. Лихоимство их взросло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, понытки покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало высшие места. (...) В казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал» [21, с. 84].

К середине XIX века коррупция поразила все звенья государственного аппарата и стала обычным и повсеместным явлением. Взяточничество прочно оставалось негласной статьёй доходов чиновников всех рангов от рядового до сановного, взгляд на должность как на «пожалование для личного обогащения продолжал жить» [21, с. 15] с прочностью многовекового обычая. Бесконтрольность должностных лиц, низкий нравственный и образовательный уровень, мизерные оклады, бумаготворчество и многоступенчатость в прохождении бумаг – все это благоприятствовало расцвету взяточничества и казнокрадства, определивших собой период правления Николая I.

В условиях «бесправия, взяточничества и бессудия» [22], как характеризовал годы правления Николая I сенатор А.Г. Казначеев, контроль над деятельностью должностных лиц существовал в основном на бумаге. На практике, особенно мелкие чиновники, действовали полностью бесконтрольно.

Одной из причин сбоев в социальном механизме противодействия коррупции является огромная территория империи, которая имеет своим следствием плохо управляемый аппарат чиновников, их бесконтрольность. В этом контексте ученые говорят о дефектах социального контроля при бюрократическом централизме и неравномерном насыщении чиновниками различных регионов империи. Н.А. Рубакин, изучая количественное распределение гражданских чиновников по всей Российской империи, при-

шел к выводу, что по всей империи в начале XX века один чиновник приходился на 150 жителей в возрасте от 16 до 69 лет, но были сильные региональные вариации. В Европейской России один чиновник приходился на 143,5, а на Кавказе на 312,2. В самой западной территории – Польше чиновников было в 4 раза больше, чем в Европейской России, почти в 9 раз больше, чем в Средней Азии и почти в 20 раз больше, чем в Сибири [4]. Но уменьшение числа чиновников по вектору «Запад – Восток» означало не увеличение самоуправления населения в восточных регионах, а увеличение размеров всевластия и произвола уменьшающегося контингента чиновников. Еще А. Герцен обратил на это внимание: чем дальше от центра – тем больше произвола, меньше ответственности перед управляемыми вплоть до ее полнейшего отсутствия.

При тотальном централизме контроль над деятельностью административного аппарата осуществлялся только сверху и эпизодически, причем в основном был сконцентрирован в столице, поэтому с удалением от нее произвол и злоупотребления властью автоматически возрастали. Огромная территория империи только способствовала слабости и даже исчезновению контроля. Изучая под этим углом зрения губернскую жизнь, И. Блинов отмечал «медлительность, неисполнение распоряжений центрального правительства, лихоимство, прямое воровство и всевозможные злоупотребления» [4].

Последняя четверть XIX – начало XX в. характеризуются интенсивным переходом к рыночным отношениям и утверждением в стране капиталистического социально-экономического уклада и появлением новой формы коррупции, связанной с привлечением крупных государственных чиновников к учреждению акционерных обществ, предложениях тех или иных должностей в советах и управлениях частных фирм. Тем самым происходило «сращивание» промышленной и финансовой олигархии с представителями правительственной бюрократии, что для последних по существу являлось завуалированной формой подкупа [23, с. 17].

В связи с этим в декабре 1884 г. Александром III был утвержден Указ «О порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и частных кредитных установлениях» в целях укрепления авторитета государственной службы и «охранения ее достоинства». В соответствии с этим Указом государственная гражданская служба высших должностных лиц признавалась несом-

местимой с участием в учреждении железнодорожных, пароходных, страховых и других торговых, промышленных товариществ, а также общественных и частных кредитных ассоциаций. Наряду с этим чинам высшей бюрократии запрещалось занимать какие-либо должности как в торгово-промышленных компаниях, так и в различного рода кредитных товариществах. Они не имели права исполнять обязанности поверенных в делах производственных и коммерческих объединений.

Историко-социологический анализ коррупции и механизмов противодействия ей позволил установить, что, во-первых, отдельные проявления коррупции известны издревле, указания на них присутствуют в документах мировой и российской истории; во-вторых, история демонстрирует очевидную связь коррупции с системой государственного управления; в-третьих, коррупция в государстве присутствует всегда, но ее масштабы колеблются, увеличиваясь в периоды общественных трансформаций на почве неустойчивости ситуации, ослабления социального контроля и состояния аномии общества.

Следовательно, коррупция как социальное явление представляет собой не только особый вид криминальных действий, но и часть культуры населения, а также отражает состояние дисфункции социальной системы в целом и системы административного управления. То есть ее социальный генезис связан с дисфункцией государственного управления, с неэффективностью деятельности бюрократии при отсутствии должного гражданского, а также иного (административного, правового, финансового, информационного) контроля. Следовательно, в коррупционных взаимодействиях подвергаются деформации отношения внутригосударственные, управленческие. Происходит искажение самого субъекта системы управления – государственные служащие превращаются в особый корпоративный социальный слой, направляющий полученные им управленческие полномочия не на организацию функционирования системы, а на собственное автономное существование («нерациональная» бюрократия). Формирование такого автономного субъекта является основой выделения коррупции как самостоятельного типа социальной системы. Так, из частной преступной практики коррупция вырастает в системную социальную проблему.

К числу национальных особенностей коррупции относят парадоксальные формы борьбы с ней (публичное признание массовой коррупции в высказываниях государственных чиновников,

политиков и откровенное торможение процессов принятия основополагающих антикоррупционных законов), спаянность на почве коррупции представителей законодательной и исполнительной власти, многообразие «национальных» вариантов и форм коррупционных практик.

Список литературы

1. Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях (уголовно-юридическое исследование). Ярославль, 1916. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/24456>.
2. Ключевский В.О. По поводу заметки Д. Голохвастова об историческом значении слова «кормление». Письмо к издателю // Сочинения в восьми томах. Т. VII. Исследования, рецензии, речи (1866–890). М., 1959.
3. Памятники русского права. Вып. 3. М. 1955. С. 157.
4. Голосенко И.А. Феномен русской взятки: Очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 3. С. 41–59.
5. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 401 с.
6. Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке. Содержание населением уезда государственного органа власти. СПб.: Изд-во Российск. нац. библиотеки, 2000. С. 352.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gumer.info
8. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под ред. В.Л. Янина. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
9. Рогов В.А. Уголовное наказание и репрессия в России (середина XV – середина XVII вв.). М.: Изд-во ВЗПИ. «Росвузнаука», 1992. 133 с.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. 637 с.
11. Акишин М.О. Полицейское государство и Сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 223 с.
12. Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870. 1174 с.
13. Полное собрание законодательства Российской Империи. Т. III. № 1674. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pszri.ru>.
14. Демина Н. История коррупции в России. М.: 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Publ/Broshures/corrupt-1.html#3>.
15. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских странах. СПб., 1876. Т. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawlibrary.ru/izdanie2076470.html>.
16. Берлин П. Русское взяточничество как социально-историческое явление. // Современный мир. 1910. № 8. С. 49.
17. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. М., 1992.
18. Ключевский В.О. Терминология русской истории. М., 1989. Т.4. 283 с.
19. Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск: ИПЦ «Гузель», 1995. 172 с.
20. Соловьев С.М. Учебная книга по Русской истории. Глава LI. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Sol_UchRuss/52.php.
21. Катаев И.М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе. СПб.: Типография «Энергия», 1914. 180 с.
22. Цит. по: Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=833>.
23. Куракин А.В. Предупреждение и пресечение коррупции в системе государственной службы России // Закон и право. 2002. № 9. С. 10–19.

SOCIAL CONDITIONALITY OF OCCURRENCE OF CORRUPTION RELATIONS IN THE RUSSIAN SOCIETY

M.V. Shedij

In article historical preconditions, the internal and external reasons of occurrence of corruption in Russia with the account social, cultural and national traditions are investigated.

Keywords: corruption, social conditionality of corruption, transformation of corruption relations, the Russian society.